

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Дж. Шаббар / Rubric editor J. Shabbar

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.954-970>

УДК / UDC 316:613.86

О. Л. Адамс¹,

Дж. Бэл²

¹ Сэмфордский университет, г. Хомвуд, США

² Колледж Флаглер, г. Сент-Огастин, США

Теория двойной паники: новый взгляд на концепцию моральной паники

Переводчик Е. Н. Беляева

Омега Л. Адамс, кандидат на получение степени доктора права Юридической школы Камберленда, Сэмфордский университет

Контактное лицо:

Джошуа Бэл, PhD в области криминологии, права и общественных наук, доцент криминологии Колледжа Флаглер и заведующий кафедрой бихевиористики, Колледж Флаглер

E-mail: jbehl@flagler.edu

Аннотация

Цель: всесторонний анализ концепции моральной паники, разработанной в трудах S. Cohen, и выработка на данной основе новой концепции – теории двойной паники.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: концепция моральной паники с момента ее обоснования в трудах S. Cohen (1972) достаточно широко обсуждается в литературе. Несмотря на значительную степень разработанности проблемы, мы считаем, что данную теорию необходимо расширить из-за возросшей сложности социальных взаимодействий. Американское общество все

© Адамс О. Л., Бэл Дж., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 25.12.2024

Представленный материал публикуется без купюр, в интерпретации автора.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и The Western Society of Criminology: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Adams, O. L., & Behl, J. (2023). Dual Panic Theory: New Insight into Moral Panics. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(3), 50–62.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/api/v1/articles/90810-dual-panic-theory-new-insight-into-moral-panics.pdf>

больше поляризуется, а первоначальная концепция моральной паники представляется слишком упрощенной и уже не отражающей все возможные проблемы. На примере истории взаимодействия семьи Макклоски с протестующими из движения Black Lives Matter в 2020 г. и используя критерии, входящие в определение Goode и Ben-Yehuda (1994), в работе предложена новая, расширенная теория моральной паники – теория двойной паники.

Научная новизна: на основе анализа существующих подходов к концепции моральной паники в статье разработана и обоснована новая концепция моральной паники – теория двойной паники. Она предполагает, что может произойти событие, которое вызовет панику по какому-либо вопросу у двух противоположных сторон. В отличие от войны культур, двойная паника – это настоящая паника по поводу какого-либо действия, а не реакция на возмущение оппозиции со стороны группы с конкурирующими интересами. Goode и Ben-Yehuda утверждают, что изучение моральной паники не будет полным без изучения всех слоев общества от элит до низов, от идеологии и морали на одном конце спектра до статуса и материальных интересов на другом. По мере развития общества должны меняться и теоретические обоснования его реакций, будь то моральная паника или что-либо другое.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с концепцией моральной паники.

Ключевые слова:

моральная паника, теория паники, теория двойной паники

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Адамс, О. Л., Бэл, Дж. (2024). Теория двойной паники: новый взгляд на концепцию моральной паники. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 954–970. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.954-970>

Scientific article

O. L. Adams¹,

J. Behl²

¹ Samford University, Homewood, USA

² Flagler College, St. Augustine, USA

Dual panic theory: new insight into moral panics

Translator E. N. Belyaeva

Omega L. Adams, Juris Doctor candidate at Cumberland School of Law, Samford University

Contact:

Joshua D. Behl, PhD in Criminology, Law and Society, Associate Professor of Criminology and Chair of Behavioral Sciences, Flagler College

E-mail: jbehl@flagler.edu

The submitted material is published in full, as interpreted by the author.

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Adams, O. L., & Behl, J. (2023). Dual Panic Theory: New Insight into Moral Panics. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(3), 50–62.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/api/v1/articles/90810-dual-panic-theory-new-insight-into-moral-panics.pdf>

Abstract

Objective: to comprehensively analyze the moral panic concept, developed in the works by S. Cohen, and to elaborate, on its basis, a new concept – the dual panic theory.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical, sociological.

Results: Moral panics have been broadly discussed in the public discourse since S. Cohen's (1972) seminal text on the topic. Despite copious research, we believe that the theory is in need of expansion due to the increased complexity of societal interactions. Through the lens of an increasingly polarizing American culture, we believe the original concept of moral panics is overly simplified and no longer encompasses the intricacies of American society. Using the story of the McCloskey family's 2020 interactions with Black Lives Matter protestors and Goode and Ben-Yehuda's (1994) definitional criteria, we propose a new, expanded theory of moral panics – Dual Panic Theory.

Scientific novelty: based on the analysis of the existing approaches to the moral panic concept, the paper offers and elaborates a new concept – the dual panic theory. It suggests that an event can happen that causes a competing panic by two opposing sides of an issue. Different from a culture war, dual panics are genuine panics about an action rather than a reaction to oppositional outrage from a competing interest group. Goode and Ben-Yehuda argue that researching moral panic cannot be complete without an examination of all societal levels, from elites to grassroots, and the full spectrum from ideology and morality at one end to class status and material interests at the other. As society has evolved, so too must the theoretical explanations of societal reactions, moral panic or otherwise.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the moral panic concept.

Keywords:

moral panic, panic theory, dual panic theory

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Adams, O. L., & Behl, J. (2024). Dual panic theory: new insight into moral panics. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 954–970. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.954-970>

Введение

Эпизод с семьей Макклоски

Вечером 28 июня 2020 г. группа протестующих из организации *Black Lives Matter* направилась по улицам Сент-Луиса (штат Миссури) к дому Лайды Крюсон – мэра этого города. Протест был направлен против гибели Джорджа Флойда от рук сотрудников правоохранительных органов, а также, как утверждали участники, против растущего числа убийств чернокожих полицейскими в Америке. Главный призыв был «не финансировать полицию», т. е. прекратить государственное финансирование учреждения, которое может исполнять законы дифференцированно по расовому признаку (Kohler, 2020; Lopez, 2020; Lussenhop, 2020; Pagones, 2020; Toropin & Waldrop, 2020; Ziegler, 2020). Участники акции протеста в Сент-Луисе прошли маршем по городскому району Центральный Вест-Энд к дому мэра, требуя ее отставки.

Во время шествия протестующие прошли через Портленд-Плейс, жилой район недалеко от дома мэра, где были вывешены таблички «Частная собственность». Когда протестующие начали заполнять улицы этого района, началась конфронтация. В результате жители района Марк и Патриция Макклоски, находясь на своей личной территории, направили оружие в сторону толпы. Макклоски заявляют, что это был акт самообороны, так как территория является частной собственностью; однако многие протестующие утверждают, что в сторону семьи Макклоски не было направлено никаких действий, указывающих на то, что им угрожает опасность. В итоге весь эпизод конфронтации продлился около 12 минут. Протестующие продолжили движение в сторону дома мэра; актов насилия не наблюдалось ни с одной стороны.

Реакция обеих сторон

Ход событий в этом деле кажется простым, однако инцидент вызвал противоречивую реакцию СМИ (например, Armus, 2020; Kohler, 2020; Lopez, 2020; Lussenhop, 2020; Pagones, 2020; Toropin & Waldrop, 2020; Ziegler, 2020). Более консервативные СМИ сразу же сосредоточились на правах личной собственности, самообороны и владения оружием, оправдывая действия Макклоски (Pagones, 2020). Более либеральные СМИ подчеркивали право на ненасильственный протест и положения Первой поправки в более широком контексте движения *Black Lives Matter* (Toropin & Waldrop, 2020).

Факты, содержащиеся в этих противоречивых статьях, также были различны. В целом лишь в очень немногих либеральных изданиях упоминалось, что госпожа Макклоски не могла ни в кого выстрелить, поскольку ее оружие было заблокировано; также очень немногие консервативные издания сообщили, что пешеходные ворота были открыты, когда протестующие вошли на территорию района, что опровергает их утверждения о том, что ворота были разрушены. В обоих случаях новостные СМИ изменяют нарратив в соответствии со своей социальной повесткой или избирательно устанавливают приоритеты в картине мира, который они стремятся изобразить (Randall, 1987). Это приводит к тому, что разные аудитории воспринимают ситуацию по-разному. СМИ преувеличивают факты и свидетельства, чтобы поддержать свою версию событий и привлечь больше сторонников.

Все это усугублялось тем, что с гибелью Джорджа Флойда совпали по времени сложный предвыборный год, локдаун из-за пандемии коронавирусной инфекции и уже имевшаяся расовая напряженность. Многие консервативные новостные издания прямо утверждали, что этот случай стал еще одним примером посягательства на одно из американских конституционных прав (Ziegler, 2020) и еще на один шаг приблизил нас к социализму. Аналогичным образом, более либеральные новостные источники, рассмотрев тот же инцидент через другую призму, заявили, что расисты отнимают свободу слова и ненасильственного протеста (Kohler, 2020). В данной статье, основываясь на концепции моральной паники (Cohen, 1972), мы представляем еще одну теоретическую модель (в дополнение к «модели низов», «модели элиты» и «модели групп интересов»), раскрывающую роль политики и средств массовой информации в создании так называемой двойной паники, т. е. противоположно направленных моральных паник, испытываемых противоположными сторонами по поводу одной и той же ситуации.

Моральная паника

Концепция моральной паники была разработана S. Cohen (1972) в работе «Народные дьяволы и моральная паника». Согласно определению Cohen (2004), моральная паника – это «состояние, эпизод, человек или группа людей, [которые] воспринимаются как угроза ценностям и интересам общества» (р. 1). На этой основе средства массовой информации оформляют проблему таким образом, что это усиливает панику (Cohen, 2004). Затем политики и другие руководящие структуры разрабатывают пути решения проблемы (Cohen, 2004). Проще говоря, моральная паника – это «чрезмерная реакция на предполагаемую социальную проблему» (Rohloff & Wright, 2010. Р. 404), которая затем усиливается средствами массовой информации и становится предметом деятельности политиков и других официальных лиц (Cohen, 2004). Моральная паника вызывает чувство «срочной необходимости сделать что-то немедленно, иначе общество пострадает от более серьезных последствий; это приводит к значительным изменениям в социальной политике» (Wright & Miller, 2005. Р. 1006).

Данная формулировка хорошо описывает концепцию моральной паники, однако не дает операционального определения этого явления. Поэтому Goode и Ben-Yehuda (1994) выделяют пять критериев, определяющих моральную панику: обеспокоенность, враждебность, консенсус, непропорциональность и неустойчивость.

Обеспокоенность – это имеющая общественные последствия реакция общества на действия, вызвавшие панику (Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005); эта реакция также характеризуется как «вызывающая тревогу» в обществе (Garland, 2008. Р. 11). Речь идет о действиях определенной группы лиц, которые предположительно будут иметь последствия для остальных членов общества (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Всплеск обеспокоенности также можно измерить с помощью анализа общественных и политических действий, которые являются результатом первоначального инцидента, например, повышения внимания СМИ или принятия законов.

Враждебность связана с действиями, когда некая группа людей классифицируется как враждебная (Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005). Когда определенная группа совершает действия, которые общество в целом характеризует как «угрожающие [своим] ценностям, интересам, образу жизни [или]... самому существованию» (Goode & Ben-Yehuda, 1994. Р. 157), то общество начинает вести себя враждебно по отношению к членам этой группы, проводя различие между собой и ею (Cohen, 1972). В первую очередь враждебность проистекает из чувства ответственности, возлагаемого на аберрантную группу, поскольку ее действия рассматриваются как угроза обществу (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

После возникновения озабоченности и враждебности общество формирует консенсус в отношении девиантной группы (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Консенсус – это утверждение, что социальную реакцию разделяет широкий круг людей (Wright & Miller, 2005). Однако, чтобы охарактеризовать ситуацию как моральную панику, не обязательно, что большая часть общества пришла к одному консенсусу или что все члены общества пришли к этому консенсусу одновременно (Goode & Ben-Yehuda, 1994). В ситуации моральной паники консенсус может достигаться на разных стадиях, и некоторые слои общества могут интерпретировать воспринимаемую угрозу не так, как другие (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Говоря иначе, моральные паники бывают разных форм и масштабов.

Критерий непропорциональности предполагает, что угроза действия преувеличена по сравнению с эмпирически воспринимаемой реальностью (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Обычно это происходит, когда общество получает сильно преувеличенные данные, чтобы представить ситуацию в новом свете, не соответствующем действительности (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Однако непропорциональность проявляется не только в преувеличенных данных, но и в том, что во время эпизодов моральной паники усиливается внимание к определенным предметам или внимание фокусируется на одном предмете, но не уделяется другому (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Наконец, неустойчивость – это внезапная вспышка паники в обществе, которая исчезает так же быстро, как и появилась, но остается в общественном сознании (Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005). Неустойчивость можно рассматривать как мгновенную вспышку паники в обществе, которая исчезает так же быстро, как и возникла (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Однако какими бы короткими ни были периоды моральной паники, это не снижает их влияния на общество и возможные последствия (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Указанные критерии служат определяющими характеристиками, которые наблюдаются во время моральной паники (Goode & Ben-Yehuda, 1994). С их помощью можно понять, как и почему возникает ощущение опасности и почему реакция непропорциональна возникшей угрозе. Моральные паники могут оказывать длительное воздействие на общество, изменяя социальные стандарты и нормы, независимо от продолжительности самого эпизода паники.

Изначально критерии моральной паники Goode и Ben-Yehuda (1994) оценивались качественно. Однако в последнее время исследователи пытаются измерить эти явления количественно, при этом часто находя подтверждение указанным критериям (см., например, Berryessa, 2021; Elsass et al., 2021; Klein & Mckissick, 2019; Schildkraut et al., 2015). В количественных результатах наблюдаются заметные различия. Например, при проведении факторного анализа пяти критериев моральной паники применительно к массовым расстрелам в школах Schildkraut et al. (2015) и Elsass et al. (2021) обнаружили, что переменная «обеспокоенность» распадается на две – «обеспокоенность применительно к защите от расстрелов в школе» (например, «Я считаю, что преподаватели должны иметь возможность носить огнестрельное оружие на территории школы, если у них есть лицензия на скрытое ношение оружия») и «обеспокоенность применительно к их предотвращению» (например, «Я считаю, что люди должны проходить проверку на криминальное прошлое, перед тем как приобрести огнестрельное оружие у частного продавца или на оружейной выставке»). Однако при изучении моральной паники, связанной с сексуальными преступлениями, Klein и Mckissick (2019) и Berryessa (2021) не обнаружили такого разделения данной переменной на аспекты защиты и предотвращения. Это может быть связано с различной напряженностью общественных дебатов о мерах в отношении сексуальных преступников по сравнению со школьными расстрелами (т. е. общественная политика, связанная с контролем над оружием, является более горячо обсуждаемой темой по сравнению с сексуальными преступлениями).

Аналогичным образом, Burns и Crawford (1999) в своем анализе моральной паники по поводу школьных расстрелов не рассматривали переменную «неустойчивость» из-за сложности ее измерения. Этот подход, по-видимому, разделяют также Schildkraut с соавторами (2015), которые обнаружили мало эмпирических данных

в поддержку этой переменной по сравнению с остальными четырьмя критериями (или пятью, если разделить «обеспокоенность» на два). Это может быть связано с тем, что Downs (2016) называет «циклом внимания к проблеме» или угасанием интереса общественности и СМИ к теме. Однако Elsass et al. (2021), Klein и Mckissick (2019) и Berryessa (2021) пришли к выводу, что неустойчивость является эмпирически обоснованной характеристикой моральной паники. Более того, Klein и Mckissick (2019) обнаружили, что неустойчивость является самой сильной переменной в их модели моральных паник, относящихся к сексуальным преступлениям.

Непропорциональность также является предметом споров в литературе о моральных паниках (см. Critcher, 2017; Waddington, 1986). Чтобы реакция была непропорциональной, общество должно знать, какой должна быть пропорциональная реакция. Чтобы определить соразмерную реакцию, общество также должно знать реальный масштаб проблемы. Без этого знания, по мнению критиков, сложно утверждать, является ли реакция пропорциональной или непропорциональной. Однако в эмпирических оценках критериев моральной паники непропорциональность является значимым фактором (см. Berryessa, 2021; Elsass et al., 2021; Klein & Mckissick, 2019; Schildkraut et al., 2015).

В совокупности эти эмпирические оценки не дают существенных оснований для отказа от пяти критериев моральной паники, первоначально разработанных Goode и Ben-Yehuda (1994). Фактически эти эмпирические данные подтверждают их предположение о том, что моральные паники бывают разных форм и масштабов. Поэтому реакция на различные события, приводящие к моральной панике (например, школьные расстрелы или сексуальные преступления), и даже сами элементы паники могут принимать разную форму.

Если кратко рассмотреть историю Макклоски (более подробно она будет описана ниже), то мы увидим наличие всех пяти первоначальных элементов. Когда по национальному телевидению показали, как Макклоски стоят во дворе с огнестрельным оружием в руках, это вызвало обеспокоенность. Она быстро переросла во враждебность, когда стало известно, что речь идет о состоятельных белых, юристах по профессии, которые угрожали огнестрельным оружием группе протестующих *Black Lives Matter*. Многие СМИ сошлись во мнении, что такое поведение недопустимо и что оно оказалось возможным только благодаря правым, которые выступали за ношение оружия и заблокировали законодательство, запрещающее подобное поведение. Хотя в этом случае актов насилия фактически не было, средства массовой информации непропорционально преподнесли это как проблему, связанную с аспектами расы, социально-экономического статуса и контроля над оружием, как пороховую бочку, готовую взорваться. Наконец, неустойчивость проявилась в том, что история Макклоски получила широкое освещение в различных СМИ. Согласно критериям, изложенным Goode и Ben-Yehuda (1994), это эпизод моральной паники, угрожающей богатым, белым, консервативным владельцам оружия в их отношениях с меньшинствами.

Однако это неполная картина паники, которая наблюдалась в Америке в то время. Используя те же самые факты, другая часть американского общества выражала обеспокоенность, когда СМИ показывали группу протестующих *Black Lives Matter*, проникших на частную территорию и якобы сломавших для этого ворота. Эта обеспокоенность переросла во враждебность, когда стало ясно, что был нанесен небольшой ущерб имуществу и что некоторые из протестующих якобы угрожали огнестрельным оружием членам семьи Макклоски. Консервативные СМИ и их аудитория сошлись во мнении, что если бы эти протестующие, названные «толпой», не нарушили границы, то Макклоски не демонстрировали бы свое огнестрельное оружие. Затем СМИ указали на уровень насилия в ходе протестов *Black Lives Matter* по всей стране и непропорционально преувеличили возможность насилия в данном случае. Наконец, неустойчивость проявилась в чрезмерном внимании и освещении этой истории со стороны консервативных СМИ, в том числе в приглашении Макклоски выступить на Республиканском национальном съезде, чтобы рассказать об опасности поддержки либеральной элитой таких агрессивных групп. Как один и тот же инцидент может быть так по-разному истолкован двумя разными группами? Какую роль сыграли СМИ в возникновении или разжигании этой паники?

Средства массовой информации и моральные паники

Ключевым аспектом описанных критериев является влияние средств массовой информации на каждую переменную (Goode & Ben-Yehuda, 1994). При этом термин «средства массовой информации» определяется широко и включает как традиционные, так и социальные медиа. Следует признать, что СМИ целенаправленно подают свои нарративы таким образом, чтобы вызвать панику (т. е. целенаправленно увеличивают интенсив-

ность каждого из критериев), генерировать еще больше новостей и привлекать свою аудиторию (Garland, 2008) или, более конкретно, «питаться страхами своей аудитории» (Burns & Crawford, 1999. Р. 157). В качестве примера можно привести случаи, когда СМИ непропорционально часто освещают определенные события, используя преувеличенные формулировки, по сравнению с другими темами, заслуживающими внимания (Wright & Miller, 2005). В этом смысле СМИ можно рассматривать как кривое зеркало, искажающее реальность для зрителя (Reiman, 1990). Тем не менее намерения СМИ во время вспышки моральной паники и их влияние очень важны, настолько, что концепция моральной паники уже неотделима от СМИ (McRobbie & Thornton, 1995). Скорее, средства массовой информации следует понимать как первопричину моральных паник (Cohen, 2011).

СМИ и моральная паника связаны между собой так, что действия первого часто влияют на второе (McRobbie & Thornton, 1995). СМИ передают общественности информацию о событиях, связанных с эпизодом моральной паники. Общественность обычно имеет слишком мало информации, чтобы самостоятельно формировать свое мнение, и полагается на СМИ, которые предоставляют ей информацию; однако эта информация подвергается интерпретации со стороны конкретного средства массовой информации (Graber, 1980). В традиционных моделях моральной паники считается, что СМИ преувеличивают информацию, связанную с отклонениями и социальными беспорядками, что усиливает страх общества и заставляет его формировать мнения, основанные на ошибочной информации (Altheide, 2009). Однако с появлением круглосуточного новостного вещания и передач в традиционных новостных сетях, транслирующих мнения телеведущих, общественность уже не может делать собственные выводы. Вместо этого людям преподносят выводы, которые они должны сделать из медийных источников.

Соответствующие искажения зависят от повестки дня и нарративов, которые выбирают отдельные СМИ и журналисты (Altheide, 2009). СМИ редко полностью освещают события в надлежащем контексте (Burns & Crawford, 1999). Это может быть связано с тем, что медийная повестка дня – это адаптированная информация, подаваемая в соответствии с ожиданиями аудитории и ее ценностями (Feezell, 2017). Аудитория привыкла ожидать, что СМИ будут подавать новости и информацию таким образом, чтобы они отражали известную им повестку дня (Altheide, 2009). Это означает, что различные аудитории получают различные повестки (Feezell, 2017). В некоторых отношениях новости подаются одинаково, но каждое средство массовой информации изменяет их в соответствии с тем, что желает отразить. Поскольку существует, вероятно, бесконечное число повесток, возникают несоответствия между общественными группами в отношении того, что они считают важным. Это снижает возможности для выработки единого мнения о том, что считать злом или благом (Feezell, 2017). Кроме того, растет использование социальных сетей; эти новые платформы также могут определять социальную повестку и влиять на то, как пользователи оценивают степень важности той или иной темы. Это особенно актуально для аудитории, уделяющей меньше внимания более традиционным СМИ (Feezell, 2017). Отображение какой-либо социальной проблемы в СМИ может определить отношение общества к этой проблеме (Becker, 1963), а противоположные образы, создаваемые разными СМИ, позволяют воспринимать социальную проблему с разных точек зрения.

С повестками связаны и нарративы, использующиеся для изображения различных событий. Отдельные темы, представленные в СМИ, иллюстрируются нарративом, который соответствует их социальной повестке и используется для формирования мнения аудитории определенным образом (Altheide, 2009; Feezell, 2017; McRobbie & Thornton, 1995). В США часто наблюдается это явление, поскольку СМИ обычно квалифицируются как либеральные или консервативные по своим взглядам и связывают свою интерпретацию событий с программами Демократической либо Республиканской политической партии. Однако именно благодаря этим различным интерпретациям между людьми с разными взглядами в обществе возникает разобщенность. Поскольку каждый новостной источник представляет события в соответствии со своей собственной повесткой, логично предположить, что эта разобщенность будет заключаться не только в позитивной либо негативной интерпретации события, но и в том, как люди воспринимают истину и решают, кто прав.

Идея различий в социальных программах, создающих две разные версии событий, прослеживается в вышеупомянутом эпизоде с Макклоски. С одной точки зрения (либеральной), это история о белой привилегированной семье из высшего класса, которая с оружием в руках нападала на мирных протестующих, боровшихся за доброе дело, но исторически маргинализированных. С другой – консервативной – точки зрения, невинная семья стала жертвой жестокой толпы, стремящейся полностью изменить американский образ жизни. Из-за такого разного освещения событий в СМИ (обе стороны преувеличивали истинное положение дел) появились

две версии произошедшего и, следовательно, два разных призыва к действию. Рассматривая это явление через призму различий во взглядах СМИ, мы предлагаем новую теорию «двойной паники», которая поможет объяснить противоположные реакции на, казалось бы, одно и то же событие.

Результаты исследование

Критика теории моральной паники

Хотя цель нашей работы – развить теорию моральной паники, следует отметить, что некоторые ученые считают эту концепцию устаревшей, не учитывающей реалии общественной жизни. Есть мнение, что эпизоды моральной паники могут использоваться для дискредитации социальной проблемы – как чрезмерная реакция (Horsley, 2017). Определение «моральные паники» считается «расплывчатым» (Horsley, 2017. Р. 5) и слишком широким, чтобы его можно было применить с теоретической точки зрения (Horsley, 2017; Phillips & Chagnon, 2021). Поэтому, по мнению критиков, понятие моральной паники используется для описания любой ситуации, в которой СМИ эксплуатируют информацию, заставляя общество неправильно воспринимать ситуацию и слишком остро реагировать на нее. Некоторые критики считают, что необходимо выработать новую теорию, которая была бы более узкой и учитывала тонкие нюансы скрытых общественных явлений (Horsley, 2017; Phillips & Chagnon, 2021). Такая операционализация также должна сопровождаться практическими рекомендациями, поскольку в настоящее время литература в этой области не предлагает никаких реальных решений для устранения очевидных проблем (Phillips & Chagnon, 2021). Кроме того, ряд ученых утверждают, что термин «моральная паника» неверно интерпретирует это общественное явление в сторону его преувеличения (de Lint & Dalton, 2020); предлагают называть это явление моральной регуляцией (Hunt, 1999) или моральным спектаклем (Phillips & Chagnon, 2021; Young, 2009).

Отмечается также, что прежние определения моральной паники больше не соответствуют изменившимся общественным реалиям, а именно его структуре и влиянию СМИ (Horsley, 2017). По мнению указанного автора, постоянная нацеленность СМИ на освещение последних событий лишает смысла концепцию моральной паники, поскольку теперь какой-либо один источник информации не может оказывать такое сильное влияние, как раньше. На современное общество воздействует множество новостных СМИ, поэтому люди могут принимать собственные решения и не зависеть от интерпретаций одного источника. Акцент на связи СМИ с обществом преувеличивает влияние элит на формирование паники (Horsley, 2017). Ученый утверждает, что теперь моральная паника и настроение общества в целом могут формироваться иными путями, чем классическим «сверху вниз» (Horsley, 2017).

Данные критические замечания заслуживают внимания, однако мы не считаем, что они опровергают всю теоретическую концепцию. Во-первых, даже если та или иная реакция чрезмерна, это не означает, что соответствующий феномен не имеет реальных последствий для общества. Достаточно посмотреть, как политики внушают, что другая партия представляет угрозу демократии. Во-вторых, мы согласны с Horsley (2017) в том, что непрерывное освещение новостей изменило общество; однако этот автор игнорирует эффект повышенной партийной ангажированности, которая присутствует в подаче новостей и вызывает разный уровень понимания проблем и доверия к СМИ (Guess et al., 2021; Levendusky, 2013). Поэтому, прежде чем полностью отказаться от концепции моральной паники, следует попытаться привести эту теорию в соответствие с текущим состоянием общества. Это было успешно сделано в отдельных областях, связанных с наркотиками (например, Armstrong, 2007; Webb & Griffin, 2019), сексуальными преступлениями (например, Berryessa, 2021; Klein & Cooper, 2019; Klein & Mckissick 2019) и массовыми расстрелами в школах (Burns & Crawford, 1999; Elsass et al., 2021; Schildkraut et al., 2015). Мы предлагаем внести ряд уточнений в указанную теорию, используя для этого авторскую концепцию «двойной паники». Следует помнить, что «теория моральной паники остается одной из самых распространенных и часто упоминаемых аналитических моделей в социологии и криминологии» (Webb & Griffin, 2019. Р. 1261).

Теория двойной паники

Goode и Ben-Yehuda (1994) выделяют три теории моральной паники, которые представляют интерес для исследователей: модель «низов», модель «элиты» и модель «групп интересов». Первая модель предполагает, что паника исходит от широких слоев населения, она широко распространяется и явственно ощущается.

При этом нельзя сказать, что панику порождают действия какой-то отдельной группы; это скорее спонтанно возникающее среди населения беспокойство, а власть имущие (СМИ, политики и т. д.) просто реагируют на эту панику. Напротив, согласно модели элиты паника начинается намеренно с целью вызвать и поддерживать страх, беспокойство и тревогу по поводу какой-либо проблемы, которая не представляет особой опасности. Как правило, цель таких действий – отвлечь внимание от какой-то другой, реальной проблемы, с которой сталкивается общество и которая подрывает интересы элит. Наиболее распространенной считается теория групп интересов (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Она была выдвинута Becker (1963), который утверждал, что движение за выработку правил начинают законодатели моральных норм, желающие обеспечить принятие и соблюдение определенных правил в обществе. С этой целью профессиональные организации, правоохранительные органы или религиозные группы привлекают внимание общественности к какому-либо вопросу, который не зависит от элит, но может быть полезен в реализации их собственных планов. Как ни соблазнительно принять циничную точку зрения, что все паники преследуют в какой-то мере корыстные цели, следует все же признать, что некоторые из них ставят и нравственные (с точки зрения группы) цели. Однако ни в одной из этих моделей не учитывается возможность двойной, конкурирующей паники, которая развивается как в эпизоде с Макклоски (Примечание: хотя в этих моделях не ставится ограничений на количество направлений паники, большинство исследований не рассматривают это явление как разнонаправленное).

Мы не предполагаем, что теория двойной паники должна заменить теорию моральной паники или конкурировать с ней; скорее она дополняет ее при решении спорных вопросов с учетом последних изменений в области культуры и социальных медиа, а также растущей сложности американского общества. Эта модель не призвана заменить модели низов, элиты или групп интересов, а скорее предлагает еще одну точку зрения, с которой можно рассматривать моральные паники. Для этого мы предлагаем теорию двойной паники с теми же критериями, которые Goode и Ben-Yehuda (Goode & Ben-Yehuda, 1994) использовали для более традиционных моральных паник.

Предлагаемая теория расширяет представление о моральных паниках с учетом текущей динамики взаимоотношений между обществом и политическими силами США. Суровая реальность американской политики и ее влияния на СМИ заключается в том, что в стране действуют две основные политические партии: Демократическая и Республиканская. Более того, хотя нюансы политических убеждений каждой партии важны, также крайне важно понимать реалии политического климата в США, который стремится поместить каждую социальную проблему или действие в ту или иную категорию, на практике создавая бинарность. Влияние политического климата на моральную панику очень велико и может быть легко использовано политическими партиями для продвижения своей повестки (Critcher, 2008). Кроме того, взаимосвязь между СМИ, политикой и моральными паниками актуализируется тем, что общество неизбежно узнает о происходящем вокруг через СМИ, которые используют моральные паники в своих интересах (Critcher, 2008; Webb & Griffin, 2019). Цель такого расширения концепции моральной паники – определить и охарактеризовать нюансы, которые американская политика оказывает на моральную панику, и предложить дополнительную модель, которая может снять некоторые критические замечания. В частности, мы предлагаем, чтобы эта новая теоретическая модель имела те же переменные, что и традиционная модель моральных паник, а именно: обеспокоенность, враждебность, консенсус, непропорциональность и неустойчивость.

Обеспокоенность

Обеспокоенность – это реакция на действия определенной группы, которые воспринимаются как опасные или вредные для всего общества (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Наиболее важным аспектом здесь является то, что должно существовать поведение, которое воспринимается как угроза обществу со стороны определенной группы. Следует отметить, что угроза не обязательно является реальной; достаточно *восприятия* действия в качестве угрозы (Wright & Miller, 2005). Проще говоря, общество наблюдает действия определенной группы, затем начинает считать, что это поведение может иметь последствия для других, и часть общества испытывает беспокойство (Wright & Miller, 2005). Эту обеспокоенность можно легко измерить с помощью реакции СМИ, общественных опросов или законодательных актов, которые демонстрируют несогласие с действиями, совершаемыми определенной группой (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Стандартная теория моральной паники рассматривает одну группу и ее действия как угрозу для общества (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Однако в теории двойной паники мы рассматриваем две противоположные группы как угрозу для общества, а по-

ведение каждой из этих групп воспринимается как угроза другой группе (например, сторонники контроля над оружием и владельцы оружия; противники аборт и пролайферы и т. д.).

Как и в традиционной модели, в теории двойной паники члены одной группы (группы А) рассматривают поведение другой группы (группы Б) как имеющее последствия для всего общества. Но теория двойной паники допускает и обратную ситуацию, когда члены группы Б воспринимают угрозу от действий группы А. Это создает интересную динамику, поскольку все события происходят одновременно, и обе группы воспринимают поведение друг друга как опасное воздействие на общество. Часто действия одной группы воспринимаются как опасные только потому, что они контрастируют с поведенческими предпочтениями другой группы. Так, одна группа будет воспринимать поведение другой группы как угрозу, если оно идет вразрез с их представлениями о том, что хорошо для общества (например, протесты). Более того, такую же реакцию будет вызывать и противоположная группа, и представления о том, что считать угрозой для общества, будут конкурировать между собой.

Это видно на примере эпизода с семьей Макклоски в июне 2020 г., когда обе стороны политической элиты назвали поведение представителей другой партии угрозой американскому обществу. Республиканцы считали Макклоски героями, отстаивающими основные права американцев, такие как право на владение оружием и самооборону, поскольку они защищали себя от опасности насилия со стороны протестующих *Black Lives Matter*. В первую очередь республиканцев беспокоили «акты насилия» со стороны протестующих, которых поддерживают демократы. По их мнению, эти акты насилия превращают американское общество в небезопасное, а меры против полиции являются угрозой для американцев, их безопасности и образа жизни в целом (Lopez, 2020). В глазах демократов Макклоски являются расистами, использующими свои привилегии белых и огнестрельное оружие, чтобы остановить мирных протестующих *Black Lives Matter*, борющихся за расовую справедливость (Lopez, 2020). Их беспокоят действия богатых белых и, следовательно, Республиканской партии; по их мнению, «акты насилия» со стороны семьи Макклоски укрепляют ситуацию угнетения и насилия в отношении меньшинств и оправдывают действия группы, исторически известной как угнетающая (Kohler, 2020). Демократы воспринимают республиканцев, поддерживающих расовое неравенство в работе полиции, как угрозу американским свободам и справедливости (Lopez, 2020). Для республиканцев же группа, представляющая угрозу для общества, – это протестующие *Black Lives Matter* и поддерживающие их демократы, поскольку они воспринимаются как те, кто вызвал вспышку насилия в масштабах всей страны.

Обе группы испытывают обеспокоенность по поводу угрозы американскому обществу, и представления каждой из них о свободе контрастируют с другими, поэтому восприятие этой угрозы у них разное. В данном случае республиканцы видят свободу как право на владение оружием, самооборону и защиту личной собственности, а демократы – как расовое равенство и право на протест. В данном случае не имеет значения, насколько правильным является то или иное представление о свободе; главное, что каждая группа очень обеспокоена действиями, которые совершает другая группа. Важным аспектом является то, что обе реакции проистекают из одного и того же события, но понимаются и выражаются по-разному. Другими словами, обе стороны явно обеспокоены этим событием, но источник этой обеспокоенности находится в разных местах и направлен на разные группы людей.

Враждебность

Враждебность – это реакция, которая возникает после появления обеспокоенности вокруг определенной группы из-за действий этой группы (Goode & Ben-Yehuda, 1994). При этом проводится различие между теми, кто считается врагом общества и его ценностей, и теми, кто считается жертвой, испытывающей последствия, вызванные действиями оппозиции (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Однако первые рассматриваются не только как враги для предполагаемых жертв, но и как враги для благосостояния общества в целом (Goode & Ben-Yehuda, 1994). При формировании групп необходим определенный уровень стереотипизации, так как должен быть способ отделить врагов от жертв (Cohen, 1972). Кроме того, должна существовать связь между угрозой обществу и группой, стереотипно считающейся врагами, поскольку ее члены должны рассматриваться как ответственные за возможную угрозу обществу (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

В теории двойной паники используется иной подход к рассмотрению одной группы как врагов, а другой – как жертв. В данном случае обе группы испытывают враждебность друг к другу, так как каждая из них видит в другой врага общества и, следовательно, каждая группа видит в себе жертву. Это создает ситуацию,

при которой обе группы считаются врагами и жертвами одновременно, но классификация зависит от того, к какой группе принадлежит человек. Часто конфликтующие между собой группы имеют противоположные убеждения по одному и тому же вопросу и именно поэтому считают друг друга врагами. Противоположные взгляды заставляют каждую группу расценивать свою точку зрения как правильную, а противоположную ей – как угрозу обществу. Как и в случае с переменной «обеспокоенность», не имеет значения, кто прав; важно то, что обе группы считают других угрозой обществу, а себя – теми, кто страдает от последствий их деятельности. В итоге враждебность обеих групп друг к другу будет расти, создавая напряженность между ними и вынуждая членов общества выбирать одну из сторон.

Рост враждебности к противоположной группе можно наблюдать и в эпизоде с Макклоски. Каждая сторона считала, что противники подвергают общество опасности своим деструктивным поведением и убеждениями, и враждебность республиканцев и демократов по отношению друг к другу росла. После инцидента республиканцы быстро окрестили членов семьи Макклоски жертвами протестующих и насилия со стороны демократов (Kohler, 2020), а демократы так же быстро называли протестующих жертвами, поскольку их право на мирный протест столкнулось с насилием со стороны Макклоски (Lussenhop, 2020). Таким образом, каждая из групп испытывала враждебность по отношению к другой, стереотипно представляя другую сторону как угрозу обществу.

Консенсус

Консенсус – это единодушное убеждение в том, что угроза, исходящая от действий определенной группы, представляет серьезную и реальную опасность для общества, и эта опасность напрямую связана с действиями обозначенной группы (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Согласие, достигнутое в обществе, обычно имеет широкое распространение и отличается единообразием по уровню негативной реакции, проявляемой по отношению к опасной группе и ее действиям (Garland, 2008). Консенсус – это механизм, который объединяет людей в обществе в период моральной паники и способствует быстрому распространению паники, поскольку люди объединяются на основе общей веры в то, что угроза реальна и сильна. Существует также консенсус в отношении того, что ответственность за угрозу несет определенная группа и что необходимо предпринимать шаги для спасения общества от этой группы (Wright & Miller, 2005). Важной особенностью консенсуса при моральной панике является то, что консенсус не обязательно должен включать большинство общества, а скорее значительную часть общества, которая с ним согласна (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Эта особенность позволяет различным слоям или группам общества формировать моральную панику, даже если большая часть общества не входит в этот сектор (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Такая гибкость категории консенсуса позволяет применить его к теории двойной паники, согласно которой каждая группа может сформировать консенсус в отношении одного и того же инцидента, но консенсус каждой группы будет разным. Другими словами, две противоположные группы формируют две разнонаправленные моральные паники на основе одного и того же инцидента. Важно отметить, что каждая группа может считать, что все общество находится в опасности из-за действий другой группы. Возможно, будет более правильным сказать, что в рамках теории двойной паники каждая группа находится под угрозой из-за действий другой группы, как и восприятие ими своих возможностей через свои ценности.

Категорию консенсуса в рамках теории двойной паники хорошо иллюстрирует процесс распространения информации в эпизоде с Макклоски. Многие СМИ республиканской направленности передавали практически одинаковую информацию и новости, что создавало у консервативных зрителей ощущение консенсуса на основе предоставленной информации. Так, заголовки Fox News предупреждали читателей о том, что в их район скоро придет насилие и что насилие будет исходить от тех же людей, которые участвовали в «толпе», напавшей на Макклоски (Nelson, 2020); эти заголовки повторялись в других консервативных СМИ, которые также называли протестующих «жестокой толпой» (Ziegler, 2020), «преследующей» (Dreher, 2020) Макклоски, находившихся в своем доме. Такое единообразие настойчиво передает консервативной аудитории одну идею, подразумевая, что все члены их партии разделяют чувство опасности, исходящее от действий «толпы». В сочетании с заверениями в правоте Макклоски со стороны лидеров республиканцев, например, бывшего президента Дональда Трампа и губернатора штата Миссури Майка Парсона (Kohler, 2020; Murphy, 2020), это единообразие еще больше укрепляет ощущение консенсуса у консервативной аудитории во время паники.

Такое же формирование и усиление консенсуса наблюдается и на стороне демократов, поскольку либеральные новостные источники сообщают практически одну и ту же информацию. Это дает либеральной аудитории ощущение консенсуса противоположной консервативной части общества направленности. Так, в СМИ говорилось о безответственных действиях Макклоски, которые «размахивали оружием» (Kohler, 2020) по отношению к явно «мирным протестующим» (Lopez, 2020); таким образом, они считают Макклоски виновными в том, что они подвергли опасности граждан, осуществляющих свое право на протест (Toropin & Waldrop, 2020). Более того, эти широко распространенные представления о том, что Макклоски неправы, не ограничились только новостными СМИ, но и распространились в других средствах массовой информации, где супругов Макклоски стали называть иррациональными, опасными и «сумасшедшими... с оружием» (The ReidOut, 2020). В совокупности эти единообразные идеи позволили либерально настроенной аудитории сформировать консенсус, но он был противоположен консенсусу консервативной части общества, поскольку они получали разные интерпретации, а предъявляемые им сюжеты фокусировались на разной информации.

Приведенный пример показывает, как противоположные группы приходят к двум противоположным консенсусам согласно теории двойной паники. Тем самым каждая группа формирует единое мнение о том, что они подвергаются опасности, а другая группа представляет реальную угрозу для общества. Затем это мнение усиливается и закрепляется средствами массовой информации противоположной направленности; при этом они преувеличивают ощущение опасности каждой группы и последовательно формируют негативные образы друг друга.

Непропорциональность

Непропорциональность – это переменная, которая представляет собой меру преувеличения средствами массовой информации по сравнению с реальностью; при этом эмпирическая реальность угрозы преувеличивается за счет публикации данных и информации, которые вызывают у общества ложное чувство опасности (Garland, 2008; Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005). Чтобы усилить страхи общества, используются не только преувеличенные данные. СМИ могут акцентировать больше внимания на одной теме, чем на другой, или предоставлять «доказательства», которые являются скорее мнениями, чем фактами (или даже приводить вымышленные факты); тем самым они могут вызывать в обществе реальное и повышенное чувство опасности (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Это преувеличение является основным элементом, который создает впечатление опасности (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Теория двойной паники дает похожую, но иную интерпретацию этого критерия. Здесь вместо одной моральной паники, нагнетаемой СМИ, есть две противоположные точки зрения, преувеличенные конкурирующими медиаагентствами, что создает два противоположных вектора восприятия опасности. В рамках теории двойной паники элемент непропорциональности состоит в том, что противоположные СМИ преувеличивают противоположные данные об одном и том же событии, тем самым усиливая ощущение угрозы одной группы по отношению к другой. При этом могут использоваться несуществующие доказательства, преувеличенные данные или просто повышенное внимание к одной теме по сравнению с другой, что создает ложное ощущение значимости и заставляет общественность поверить в то, что ситуация серьезнее, чем в реальности. Важно отметить, что разные СМИ сообщают различную информацию, а большинство новостных источников часто сообщают только ту информацию, которая совпадает со стереотипной точкой зрения соответствующего агентства. В результате те, кто получает информацию от одного источника, формируют иное ощущение опасности по сравнению с теми, кто получает информацию от СМИ противоположной направленности. Согласно теории двойной паники, СМИ часто занимают позицию, которая соответствует их повестке. Эти позиции существенно отличаются от других в отношении убеждений и ценностей, что усиливает отличие того чувства опасности, которое каждая группа получает от своего дифференцированного средства массовой информации.

В случае с Макклоски новостные источники различной направленности делали преувеличенные заявления о событии, создавая у своей аудитории ложное ощущение реальности и порождая страхи. Консервативные СМИ в основном называли протестующих «толпой» (Dreher, 2020; Nelson, 2020; Ziegler, 2020), создавая впечатление, что эта группа опасна и что она подвергает опасности семью Макклоски. Характеристика протестующих как толпы является преувеличением и создает у консервативно настроенных граждан лож-

ное ощущение, что протестующие действовали более жестоко, чем на самом деле, хотя не было никакой конкретной информации, подтверждающей это впечатление. Либеральные СМИ, напротив, почти всегда называли протестующих просто протестующими или даже мирными протестующими (Lopez, 2020; Kohler, 2020; Toropin & Waldrop, 2020). Однако в либеральных СМИ также присутствовали преувеличения, когда говорилось о действиях Макклоски с применением оружия (Kohler, 2020) и их готовности подвергать опасности протестующих, большинство из которых принадлежали меньшинствам, и нарушать их право на протест (Lopez, 2020; Toropin & Waldrop, 2020).

Неустойчивость

Неустойчивость проявляется в быстром возникновении моральной паники в СМИ и общественном сознании, а затем, как правило, таком же быстром исчезновении (Garland, 2008; Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005). Внезапность моральной паники часто объясняется тем, что СМИ быстро подхватывают историю и практически мгновенно передают преувеличенную информацию, что также усиливает внезапное ощущение угрозы для общества (Garland, 2008). Моральные паники также характеризуются неустойчивостью: они исчезают так же быстро и внезапно, как и появляются (Goode & Ben-Yehuda, 1994). В основном это происходит, когда СМИ переходят от одного события к другому, прежние новости становятся неактуальными или же публика теряет интерес к ним. В целом моральные паники характеризуются как кратковременные по отношению к другим событиям, охватывающим значительный промежуток времени; однако моральные паники все же оказывают культурное и историческое влияние на общество, которое может сохраняться в течение долгого времени (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Однако это не означает, что моральные паники являются единичными событиями (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Напротив, паника может возникать периодически в связи с определенными явлениями (например, моральная паника вокруг отравленных конфет возникает почти каждый год во время Хэллоуина (Best & Noriuchi, 1985) или институционализироваться в результате изменения законодательства или политики. Это также не означает, что у паники нет исторических или структурных предшественников. Многие вспышки паники, особенно в политической сфере, развиваются как серия краткосрочных, дискретных паник, идущих одна за другой (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

В теории двойной паники используется та же схема. Два противоположных медийных источника могут быстро создать две моральные паники на основе одного и того же события, за исключением представленных двух разных точек зрения. Каждое средство массовой информации будет быстро и последовательно передавать сообщения, но затем эта активность угаснет по мере того, как сменится вектор общественного интереса. Однако в обществе начнут циркулировать две противоположные точки зрения, аудитория разделится на два лагеря, и на основе преувеличенной информации, предоставленной различными СМИ, быстро сформируются две противоположно направленные моральные паники, или двойная паника.

Инцидент с Макклоски был быстро подхвачен СМИ, а видео и фотографии одновременно распространились в различных социальных сетях, в том числе и в твиттер¹-каналах лидеров государства. В то же время СМИ высказывали особые мнения, сообщали выборочную или преувеличенную информацию, представляя событие в соответствующем их расширенной социальной повестке свете. В результате консервативная и либеральная публика быстро получила нужную им информацию и разделилась по своим убеждениям.

Моральная паника или война культур?

Цель данной статьи – показать, что концепция моральной паники должна быть расширена с учетом тех все более частых случаев, когда моральная паника принимает форму, не вписывающуюся ни в одну из трех моделей, предложенных в работе Goode и Ben-Yehuda (1994). В инциденте с Макклоски американское общество, независимо от политических убеждений, было охвачено паникой. Однако в отличие от других моделей мы видим, что обе стороны были одинаково возмущены поведением друг друга. В результате консерваторы

¹ «Твиттер» (Twitter) – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

стали считать себя жертвами либеральных деятелей и наоборот. В настоящее время не существует модели моральной паники, которая бы рассматривала этот феномен.

Некоторые исследователи (например, Garland, 2008) утверждают, что предлагаемая концепция – это не новая модель паники, а лишь переосмысление идеи «войны культур», в рамках которой происходит обычный горизонтальный конфликт между социальными группами (в отличие от вертикальных отношений между обществом и девиантной группой). Garland утверждает, что «повсеместное появление расовых, религиозных и региональных разногласий, поощряемое политикой идентичности и получающее выражение в средствах массовой информации, находящихся в открытом доступе... вызывает значительно поляризованные реакции» (Garland, 2008. Р. 17). Но эти реакции не поднимаются до уровня настоящей паники из-за отсутствия «широкого общественного согласия» и отхода от «консенсусных моральных паник».

Мы не согласны с этой точкой зрения по нескольким причинам. Во-первых, Goode и Ben-Yehuda утверждают, что «моральные паники бывают разных масштабов – одни захватывают только определенные социальные категории, группы или сегменты общества, другие вызывают сильную обеспокоенность у большинства» (Goode & Ben-Yehuda, 1994. Р. 157). Поскольку для возникновения паники не обязателен широкий консенсус, а скорее сильно выраженный, то главный аргумент Garland оказывается несостоятельным. Во-вторых, как бы нам ни хотелось рассматривать американское общество как единое, мы считаем, что это слишком упрощает реальность современного политического и правового ландшафта – иначе разве было бы важно, кто назначен членом Верховного суда?

Garland также утверждает, что в ходе войны культур «активисты» с обеих сторон будут возражать против своей исключительности и «отстаивать социальную ценность и нормальность своих действий» (Garland, 2008. Р. 17). Таким образом, мы получим возмущенную реакцию «активистов», а не моральную панику. В некоторых случаях это может быть верно (например, в большинстве случаев применение оружия полицейскими вызывает возмущение, что приводит к ответной реакции в защиту полицейских со стороны групп, которые пытаются оправдать их действия). Однако в последнее время появилось множество примеров, подобных описанному выше, когда две группы с противоположными интересами демонстрируют возмущенную реакцию на одно и то же событие. В результате выдвигаются и пропагандируются различные политические меры, основанные на групповых интересах. Другими словами, согласно теории войны культур, группа А возмущается действиями группы Б, как она их воспринимает, а группа Б в ответ оправдывает и обосновывает свое поведение. Согласно же теории двойной паники, происходит некое действие, которое может быть даже не связано ни с одной из групп; обе группы выражают свое возмущение, каждая возлагает вину за это действие на другую (вспомним, что либералы поддерживали протестующих против Макклоски, хотя Макклоски состоят в Демократической партии и в прошлом вели судебные дела о гражданских правах, – групповая принадлежность оказалась не так важна, как восприятие группы, в которой состояли Макклоски). Поэтому определять все конкурирующие культурные, политические и правовые конфликты как «войну культур», на наш взгляд, ошибочно.

Последний аргумент Garland заключается в том, что работа средств массовой информации с моральными паниками стала «рутинной и предсказуемой» (Garland, 2008. Р. 17). Поэтому реакция общества на моральные паники и их «мобилизующая сила» значительно ослабевают по мере того, как граждане теряют чувствительность к «сенсациям» и «паникерству» СМИ (Garland, 2008. Р. 18). В прошлом это, возможно, и было верно, но после выборов 2016 г., когда политические и юридические фронты борьбы обозначились с такой определенностью, что некоторые даже призывали разделить Соединенные Штаты на два государства (Issenberg, 2018), это явно не так. Крайние приверженцы обеих политических партий продолжают подпитываться все более и более пристрастными СМИ (включая социальные сети), создавая и усугубляя «нагнетаемую истерию», которую Jenkins (2007, раздел 4) так яростно критиковал во время вспышки птичьего гриппа.

Заключение

С тех пор как в 1972 г. Коэн впервые представил концепцию моральных паник, ученые изучают ее как причинно-следственный механизм различных реакций общества на те или иные события. Goode и Ben-Yehuda операционализировали данную концепцию, предложив пять критериев моральной паники: обеспокоенность, враждебность, консенсус, непропорциональность и неустойчивость (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Далее они

предположили, что концепция моральной паники может быть объяснена с помощью трех различных теоретических моделей: это модели низов, элиты и групп интересов. Целью данной работы было предложить еще одну модель – модель двойной паники. Она предполагает, что может произойти событие, которое вызовет панику по какому-либо вопросу у двух противоположных сторон. В отличие от войны культур, двойная паника – это настоящая паника по поводу какого-либо действия, а не реакция на возмущение оппозиции со стороны группы с конкурирующими интересами. Goode и Ben-Yehuda утверждают, что «изучение моральной паники не будет полным без изучения всех слоев общества, от элит до низов, и от идеологии и морали на одном конце спектра до статуса и материальных интересов на другом» (Goode & Ben-Yehuda, 1994. P. 168). По мере развития общества должны меняться и теоретические обоснования его реакций, будь то моральная паника или что-либо другое.

Список литературы / References

- Adams, O. L., & Behl, J. (2023). Dual Panic Theory: New Insight into Moral Panics. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(3), 50–62.
- Altheide, D. L. (2009). Moral panic: From sociological concept to public discourse. *Crime, Media, Culture: An International Journal*, 5(1), 79–99. <https://doi.org/10.1177/1741659008102063>
- Armstrong, E. G. (2007). Moral panic over meth. *Contemporary Justice Review*, 10(4), 427–442. <http://dx.doi.org/10.1080/10282580701677519>
- Armus, T. (2020, July 1). St. Louis lawyer who waved gun at protesters says he was 'victim of a mob'. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/07/01/mccloskey-st-louis-guns-protest/>
- Becker, H. S. (1963). *Outsiders: Studies in the sociology of deviance*. Free Press.
- Berryessa, C. M. (2021). A dual-process approach to moral panic and public support for sex offender management policies. *Journal of Interpersonal Violence*, 37, 17–18, NP16700–NP16726. <https://doi.org/08862605211023490>
- Best, J., & Horiuchi, G. T. (1985). The razor blade in the apple: The social construction of urban legends. *Social Problems*, 32(5), 488–499. <http://dx.doi.org/10.2307/800777>
- Burns, R., & Crawford, C. (1999). School shootings, the media, and public fear: Ingredients for a moral panic. *Crime, Law & Social Change*, 32, 147168. <https://doi.org/10.1023/A: 1008338323953>
- Cohen, S. (1972). Folk devils and moral panics: The creation of the mods and rockers. *MacGibbon & Kee*.
- Cohen, S. (2004). *Folk devils and moral panics* (3rd ed). Routledge.
- Cohen, S. (2011). Whose side were we on? The undeclared politics of moral panic theory. *Crime, Media, Culture: An International Journal*, 7(3), 237–243. <https://doi.org/10.1177/1741659011417603>
- Critcher, C. (2008). Moral panic analysis: past, present and future. *Sociology Compass*, 2(4), 1127–1144. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00122.x>
- Critcher, C. (2017). Moral panics. In *Oxford research encyclopedia of criminology and criminal justice*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264079.013.155>
- de Lint, W., & Dalton, D. (2020). Anatomy of moral panic: The “List of 88” and runaway constructionism. *Critical Criminology*, 1–21. <http://dx.doi.org/10.1007/s10612-020-09514-4>
- Dreher, R. (2020). *The McCloskeys: Haute bourgeois Bernie Goetzes*. The American Conservative. <https://www.theamericanconservative.com/dreher/mccloskeys-unlikely-everymen-republicans-trump/>
- Downs, A. (2016). Up and down with ecology: The “issue-attention cycle”. In *Agenda setting* (pp. 27–33). Routledge.
- Elsass, H. J., Schildkraut, J., Haenfler, R., Klocke, B. V., Madfis, E., & Muschert, G. W. (2021). Moral panic, fear of crime, and school shootings: Does location matter? *Sociological Inquiry*, 91(2), 426–454. <http://dx.doi.org/10.1111/soin.12407>
- Feezell, J. T. (2017). Agenda setting through social media: The importance of incidental news exposure and social filtering in the digital era. *Political Research Quarterly*, 71(2), 482–494. <https://doi.org/10.1177/1065912917744895>
- Garland, D. (2008). On the concept of moral panic. *Crime Media Culture*, 4(1), 9–30. <http://dx.doi.org/10.1177/1741659007087270>
- Goode, E., & Ben-Yehuda, N. (1994). Moral panics: Culture, politics, and social construction. *Annual Review of Sociology*, 20(1), 149–171. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.20.080194.001053>
- Graber, D. A. (1980). *Crime news and the public*. Praeger.
- Guess, A. M., Barbera, P., Munzert, S., & Yang, J. (2021). The consequences of online partisan media. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 118(14), 1–8. <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.2013464118>
- Horsley, M. (2017). Forget ‘moral panics’. *Journal of Theoretical & Philosophical Criminology*, 9(2), 84–98. <http://www.jtpcrim.org/ARCHIVES2/Horsley.pdf>
- Hunt, A. (1999). *Governing morals: A social history of moral regulation*. Cambridge University Press.

- Issenberg, S. (2018, November 14). Maybe it's time for America to split up. *Intelligencer*. <https://nymag.com/intelligencer/2018/11/maybe-its-time-for-america-to-split-up.html>
- Jenkins, S. (2007, February 14). Forget bird flu: Mad publicity disease is much more scary. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2007/feb/14/comment.politics1>
- Klein, J. L., & Mckissick, A. B. (2019). Moral panics and community member perceptions regarding reductions in sex offender recidivism. *Justice Policy Journal*, 16(1), 1–24. <https://www.cjcrj.org/media/import/documents/community-member-perceptions-reductions-sex-offender-recidivism.pdf>
- Klein, J. L., & Cooper, D. T. (2019). Punitive attitudes toward sex offenders: Do moral panics cause community members to be more punitive? *Criminal Justice Policy Review*, 30(6), 948–968. <https://doi.org/10.1177/2F0887403418767251>
- Kohler, J. (2020, August 19). The St. Louis couple charged with waving guns at protesters have a long history of not backing down. *STL Today*. <https://www.stltoday.com/news/local/metro/the-st-louis-couple-charged-with-waving-guns-at-protesters-have-a-long-history-of/article-281d9989-373e-53c3-abcb-ecd0225dd287.html>
- Levendusky, M. (2013). *How partisan media polarize America*. University of Chicago Press.
- Lopez, G. (2020, August 24). Mark and Patricia McCloskey, the gun-toting St. Louis couple, explained. *Vox*. <https://www.vox.com/2020-presidential-election/2020/8/24/21398970/mark-patricia-mccloskey-republican-convention-guns-black-lives-matter>
- Lussenhop, J. (2020, August 25). Mark and Patricia McCloskey: What really went on in St Louis that day? *BBC News*. <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-53891184>
- McRobbie, A., & Thornton, S. L. (1995). Rethinking 'moral panic' for multi-mediated social worlds. *The British Journal of Sociology*, 46(4), 559–574. <https://doi.org/10.2307/591571>
- Murphy, D. (2020, May 23). Mike Parson says Donald Trump will take 'actions' to support the McCloskeys. *Riverfront Times*. <https://www.riverfronttimes.com/foodblog/2020/07/14/mike-parson-says-donald-trump-will-take-actions-to-support-the-mccloskeys>
- Nelson, J. (2020, August 24). McCloskeys warn violence and riots will come 'to a neighborhood near you'. *Fox News*. <https://www.foxnews.com/politics/mccloskey-violence-riots-come-neighborhood-near-you>
- Pagones, S. (2020, June 29). Armed St. Louis protesters broke iron gate, threatened couple before they drew their own guns, attorney says. *Fox News*. <https://www.foxnews.com/us/armed-st-louis-rioters-threatened-couple-guns-attorney>
- Phillips, N. D., & Chagnon, N. (2021). Where's the panic, where's the fire? Why claims of moral panic and witch hunts miss the mark when it comes to campus rape and MeToo. *Feminist Media Studies*, 21(3), 409–426. <http://dx.doi.org/10.1080/14680777.2020.1765836>
- Randall, D. (1987). The portrayal of business malfeasance in the elite and general public media. *Social Science Quarterly*, 68(2), 281–293.
- Reiman, J. H. (1990). *The rich get richer and the poor get prison* (3rd ed.). Allyn & Bacon.
- Rohloff, A., & Wright, S. (2010). Moral panic and social theory. *Current Sociology*, 58(3), 403–419. <https://doi.org/10.1177/0011392110364039>
- Schildkraut, J., Elsass, H. J., & Stafford, M. C. (2015). Could it happen here? Moral panic, school shootings, and fear of crime among college students. *Crime, Law and Social Change*, 63, 911–10. <https://doi.org/10.1007/s10611-015-9552-z>
- The ReidOut. (2020, August 21). Transcript: The ReidOut. *MSNBC*. <https://www.msnbc.com/transcripts/transcript-reidout-august-21-2020-n1259574>
- Toropin, K., & Waldrop, T. (2020, July 20). St. Louis couple who Waved guns at Protesters face charges. *CNN*. <https://www.cnn.com/2020/07/20/us/st-louis-couple-weapons-protesters-charges/index.html>
- Waddington, P. A. J. (1986). Mugging as a moral panic: A question of proportion. *British Journal of Sociology*, 37(2), 245–259. <http://dx.doi.org/10.2307/590356>
- Webb, M., & Griffin, O. H. (2019). A mild panic? Media accounts of kratom. *Deviant Behavior*, 41(10), 1258–1267. <http://dx.doi.org/10.1080/01639625.2019.1607114>
- Wright, R. A., & Miller, J. M. (2005). Moral panic. In *Encyclopedia of criminology* (Vol. 2, p. 10051009). Routledge.
- Young, J. (2009). Moral panic: Its origins in resistance, resentment and the translation of fantasy into reality. *The British Journal of Criminology*, 49(1), 4–16. <https://doi.org/10.1093/bic/azn074>
- Ziegler, Z. (2020, July 1). Gun-Wielding couple realized the only one who will protect you is you. *The Federalist*. <https://thefederalist.com/2020/07/01/gun-wielding-couple-realized-the-only-one-who-will-protect-you-is-you/>

Об авторах

Омега Л. Адамс является кандидатом на получение степени доктора права Юрической школы Камберленда при Сэмфордском университете; предполагаемый срок получения степени – май 2025 г. Она также выполняет обязанности младшего редактора журнала *Cumberland Law Review*, Vol. 54, является членом Национальной судебной команды Камберленда, а также стипендиатом судьи Абрахама Карутерса 2023/24 учебного года в области академического письма. Адамс получила степень бакалавра криминологии в Колледже Флаглер в 2022 г.

Джошуа Д. Бэл, Ph.D. – доцент криминологии Колледжа Флаглер и заведующий кафедрой бихевиористики в Колледже Флаглер. Он получил степень PhD в области криминологии, права и общественных наук в Университете Флориды в 2016 г. Его исследования посвящены теме принятия юридических решений, в частности, различным типам поведения свидетелей (например, свидетельство об алиби, подтверждение показаний, свидетельство в зале суда). Бэл является соредактором (с д-ром Меган Киэнзл) издания *Alibis and Corroborators: Psychological, Criminological, and Legal Perspectives* (Springer) и соавтором (с д-ром Леонардом Стиверсоном) учебника *Criminal Theory Profiles: Inside the Minds of Theorists of Crime and Deviance* (Routledge).

About the authors

Omega L. Adams is Juris Doctor candidate at Samford University's Cumberland School of Law, anticipated graduation May 2025. Adams is a Junior Editor of the Cumberland Law Review, Vol. 54, a member of Cumberland's National Trial Team, and a Judge Abraham Caruthers Fellow for legal writing for the 2023 – 2024 academic year. Adams received her B.A. in Criminology from the Flagler College Honor's College in 2022.

Joshua D. Behl, Ph.D., is an Associate Professor of Criminology and Chair of Behavioral Sciences at Flagler College. Behl received his Ph.D. in Criminology, Law and Society from the University of Florida in 2016. His research focuses on legal decision-making where he has focused on various types of witness behavior (e.g., alibi witnesses, corroborators, and courtroom witness testimony). Behl is co-editor (with Dr. Megan Kienze) of *Alibis and Corroborators: Psychological, Criminological, and Legal Perspectives* (Springer) and co-author (with Dr. Leonard Steverson) of the textbook *Criminal Theory Profiles: Inside the Minds of Theorists of Crime and Deviance* (Routledge).

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 21.03.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 15.10.2024